
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПРОБЛЕМЫ

В.В. Трухачёв

Кафедра информационных технологий в образовании
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается теоретически-смысловое наполнение понятия «национальных интересов». Представлен критический анализ широкого спектра концепций и определений национальных интересов отечественных и зарубежных ученых. По мнению автора, национальные интересы и интересы государственные правомерно рассматривать как тесно связанные и взаимодополняемые категории, но не тождественные. С другой стороны, даже в эпоху глобализации концепция национального интереса всегда базируется на ценностных нормах и конкретном идеологическом содержании отдельного государства.

Ключевые слова: национальные интересы, национальная безопасность, теория политического реализма, «конструирование» национальных интересов, нациестроительство, национальное самосознание.

Термин «национальные интересы» часто понимается двояко. В первом значении национальные интересы ассоциируются с вопросами внешней политики, поскольку представляют образ нации (или национального государства), которая должна защищать свои интересы на международной арене. Иногда понятие национальных интересов связывают с внутривнутриполитическими задачами — в этом случае используют иные подходы к трактовке данного термина. Во втором значении национальные интересы выступают как способ анализа внешней политики — такой подход характерен, например, для школы политического реализма, и в частности для Г. Моргентхау. В этом случае понятие «национальных интересов» соотносится с внешнеполитическим вариантом «общественных интересов», поскольку обозначает наиболее адекватную для той или иной нации систему взаимоотношений с другими государствами.

Термин «национальные интересы» также указывает на факторы, ограничивающие возможности того или иного государства. Это могут быть договоры, интересы различных сторон, влияние других держав, особое географическое положение или принадлежность к определенной организации — например, торговой или военной. Для представителей школы реализма «сердцевиной» национальных интересов является национальная безопасность, то есть «государственные интересы» и «интересы национальной безопасности» всегда взаимосвязаны.

В самом термине «национальные интересы» подчеркивается роль государства как символа действительных национальных интересов. Некоторые исследователи полагают, что они объективно определяются положением государства в международной системе и выявляются в процессе исследования его истории и современности. Другие считают, что национальные интересы субъективно ин-

терпретируются правительством, то есть национальный интерес в данном случае — это то, что тот или иной политик вкладывает в это понятие.

Несмотря на то что внешняя политика многих держав в те или иные периоды в значительной мере определялась тем, что сегодня в научном и обыденном сознании соотносится с национальным интересом, собственно термин «национальный интерес» в нынешнем его понимании стал применяться в научном лексиконе сравнительно недавно. Официально он стал использоваться в социальных науках лишь в 1935 г., когда его правомерность была подтверждена включением в Оксфордскую энциклопедию. Его разработчиками считаются американские ученые Р. Нибур и Ч. Бирд.

Внимание к данной проблематике особенно усилилось после Второй мировой войны. Г. Моргентау обозначил этот интерес и развернувшиеся вокруг нее дискуссии определением «новые великие дебаты».

Концепция национальных интересов была детально сформулирована в труде Моргентау «В защиту национального интереса» (См.: [12]), вышедшем в 1948 г. Большая заслуга в последующем развитии концепции национального интереса принадлежит Дж. Розенау, У. Липпману, Дж. Кеннану, К. Уолтцу, Э. Ферниссе и др. Своеобразную оценку теме национального интереса дали французские исследователи Р. Дебре, Р. Арон, Ж.-Б. Дюрозель, П. Ренувен, Ф. Брайар и др.

Учитывая постоянный научный и практический интерес к этому вопросу, что мы подразумеваем под национальными интересами? Каковы их системообразующие параметры? Как они соотносятся с понятием «государственные интересы»? Какова взаимосвязь национальных интересов с национальной безопасностью? Эта и смежная с ней проблематика в последние годы стала поводом довольно оживленных дискуссий в научном мире.

Значение понятия «национальный интерес» как аналитической категории и как инструмента политического действия продолжает быть предметом разногласий и споров, главным источником которых является несовпадение позиций по вопросам его содержания и использования.

Сам факт широкого использования понятия «национальный интерес» не только реалистами-теоретиками и их сторонниками-практиками, но и представителями других теоретических и политических направлений заслуживает пристального внимания по крайней мере по двум причинам. Во-первых, в политике опора на «национальный интерес» вовсе неравнозначна стремлению к использованию силы — адекватно понимаемый «национальный интерес» есть ни что иное как признание права на существование, и, помимо этого, уважение интересов всех участников политического действия. Во-вторых, сторонники реалистской парадигмы заслужили вполне справедливую критику за односторонность и редукционизм своих взглядов, за недооценку позиций своих оппонентов (в том числе их понимания «национального интереса»). При этом наука о международных отношениях обязана своим статусом самостоятельной области знания именно теории политического реализма, сделавшей «национальный интерес» исходным пунктом всего своего анализа.

Реалистическая позиция и сегодня остается важной составной частью международно-политической науки. Проблематика, составляющая основу реалистских исследований, сохраняет свое значение. Это вопросы войны и мира, общая стратегия, угрозы государственной безопасности, дипломатические усилия, создание коалиций, союзов, межгосударственные переговоры и вся проблематика, относящаяся к так называемой высокой политике. Сохраняет свое аналитическое и политическое значение и понятие «национальный интерес».

Именно поэтому для нас представляется важным акцентировать внимание на тех тезисах, которые отразили суть данного понятия в его трактовке одним из основоположников теории политического реализма Г. Моргентау. Суть этих тезисов можно свести к следующим положениям в интерпретации известного исследователя А.П. Цыганкова.

1. «Национальный интерес» — объективная данность. Он базируется на своеобразии географического положения государства и вытекающих из этого особенностях его экономического, политического и культурного развития, с одной стороны, а также на особенностях человеческой природы — с другой. Поэтому «национальный интерес» представляет собой стабильную основу международной политики государства [21. С. 162—163].

2. «Национальный интерес» вполне поддается рациональному осмыслению государственных деятелей. Последние обязаны исходить из того, что хорошая политика — это рациональная политика, опирающаяся на правильно понятый «национальный интерес» [21. С. 168].

3. Моральная политика исходит из необходимости согласования и компромиссов в защите «национальных интересов» государств на международной арене, из стремления к достижению «всеобщих интересов», что несовместимо с соперничеством политических идеологий [21. С. 174].

4. «Национальный интерес» кардинально отличается от «общественного интереса». Если первый существует в условиях анархической международной среды, то второй связан с системой законов, регулирующих внутригосударственную политику. Иначе говоря, в отличие от «общественного интереса» понятие «национальный интерес» относится к сфере внешней политики государства [30. Р. 13].

Критики теории Г. Моргентау усомнились в его утверждении о том, что «есть только один категорический императив, только один критерий рассуждения, единственный принцип действия: национальный интерес» [32. Р. 242]. Оппоненты реализма отказались принимать на веру самое главное в нем — объективность содержания «национального интереса». Скептики нашлись даже в стане стойких приверженцев политического реализма. По мнению Р. Арона, плюрализм целей, средств и ресурсов, которыми располагают различные индивиды и группы внутри государств, не образует некую равнодействующую и не позволяет оценить «национальный интерес» как критерий анализа или идеал для политического деятеля [23. Р. 101]. Внешняя политика государства, как считал Р. Арон, отражается в деятельности его властных представителей, пользующихся определенной свободой выбора целей и задач. Однако не меньшее значение имеют идеология, личные качества, темперамент, уровень развития лидеров.

Некоторые последователи Арона идут еще дальше, полагая, что при всей объективности национального интереса в целом он остается до конца непроясненным. Поэтому для исследователя, придерживающегося принципа объективного научного интереса к трактовке поведения индивидов и социально-политических общностей, опасность представляет практически неизбежная произвольность в «конструировании» национальных интересов.

Иными словами, есть риск заменить субъективность тех, кого изучает социолог, его собственной субъективностью [25. Р. 26]. Такого же мнения придерживается и авторитетный французский ученый-международник Ж.-Б. Дюрозель. Он пишет: «...если бы существовала возможность определить объективный национальный интерес... тогда можно было бы довольно просто исследовать международные отношения путем сравнения национального интереса, предлагаемого лидерами, и объективного национального интереса. Беда, однако, состоит в том, что любое размышление об объективном национальном интересе является субъективным» [28. Р. 88]. А, например, А. Уолферс полагал, что «национальный интерес» может означать разные вещи для разных людей, более того, он способен придавать привлекательный вид ошибочной политике [38. Р. 147].

Либералы ставили под сомнение целесообразность применения термина «национальный интерес» для анализа проблем внешней политики. Исходя из того, что с этой позиции дать определение национального интереса неправомерно, исследователи предложили считать причиной действий участников международных отношений не национальный интерес, а «национальную идентичность» [31. Р. 473—474]. В свою очередь, теоретики либерально-идеалистической парадигмы признают наличие национальных интересов, но лишь при условии, что их основным содержанием будут выступать моральные вопросы и глобальные проблемы современности. При этом защита государственного суверенитета и вытекающее из этого стремление к могуществу в условиях усиливающейся взаимозависимости мира все больше утрачивают свое значение [36. Р. 38—43].

В свете этого государство как национальное образование в эпоху глобализации замещается сверхгосударством со своими интересами и частные национальные интересы уже не имеют такого значения, как раньше, хотя теоретически невозможно доказать, что глобальная власть должна быть централизована. Нормативная же политическая теория может настаивать на преимуществах того или иного варианта в зависимости от своей философско-политической ориентации, но в реальности в глобальном руководстве различимы элементы разных форм организованности. Во-первых, отделены друг от друга три сферы всемирной жизни: 1) безопасность; 2) хозяйство; 3) культура. В каждой из них складывается имманентный их фактуре, в разной мере и в разном стиле институционализированный механизм упорядочения-самоупорядочения. Они относительно автономны. Например, существует проект (предложенный Комиссией по глобальному управлению) создать наряду с Советом Безопасности ООН параллельный совет по экономическим вопросам — Экономический Совет по безопасности [37. Р. 269].

Глобальное управление, представляющее собой именно такую «клубковую» структуру кругового влияния и балансирования, рассматривается и предпочитается

ется энтузиастами как новая разновидность демократии — делиберативная, или дискурсивная [27. Р. 155—156], демократия, то есть республика, где все заинтересованные агентства принимают равноправное участие в рациональном обсуждении проблем с целью согласования своих действий.

Такой поворот нормативной теории демократии особенно важен потому, что «включение этих новых форм авторитета в концептуализацию глобального управления позволяет обозначить проблему, которой до сих пор пренебрегали, а именно: каковы импликации глобального управления для таких фундаментальных политических концепций, как демократия, суверенитет и легитимность» [26. Р. 188].

Теперь, когда «религиозное» почтение к суверенитету слабеет на глазах, ООН кажется естественным наследником полномочий, от которых государства были бы готовы отказаться на основе принципа субсидиарности [6. С. 50—61]. В этом случае следует формировать совершенно иную схему всемирного парламентаризма (См.: [40]). Однако существует вероятность того, что каждое государство будет манипулировать своим суверенитетом, «торгуя» им, но при этом национальные интересы не потеряют для него своей значимости.

Обсуждение в отечественной науке в течение последних двух десятилетий понятия «национальный интерес» также выявило различия в его понимании (См.: [4. С. 10—21; 9. С. 11—18; 14. С. 100—110; 7. С. 5—32; 8. С. 9—40; 11. С. 7—23]).

Как и в западной политологии, основной водораздел в дискуссии проходит уже не столько между «объективистами» и «субъективистами», сколько между сторонниками реалистских и либерально-идеалистических подходов. Представители реализма считают, что «национальный интерес остается базовой категорией всех без исключения государств мира. И пренебрегать им было бы не просто ошибочно, но и крайне опасно» [5. С. 80]. Национальный интерес, с их точки зрения, «не сводится к «совокупности интересов граждан», поскольку, кроме результирующей этой совокупности интересов, учитывает множество объективных социально-экономических, геополитических и иных факторов. Национальные интересы формируются под воздействием мировых экономических процессов, политики других государств и т.д. [14. С. 100—101].

Представители либерализма полагают, что «мы... резко преувеличиваем роль национальных интересов (термин не очень определенный... но подразумевающий нечто материальное — нефть, деньги, территорию, военную мощь) и недооцениваем роль более «тонких» психологических факторов» [20. С. 11]. По их мнению, в демократическом обществе «национальный интерес формируется как некое обобщение интересов граждан», в то время как для авторитарного и тоталитарного обществ свойственна «государственническая», или «державная», позиция, предполагающая, что интересы государства выше, чем интересы личности [19. С. 468—469]. В качестве национальных интересов должны рассматриваться «интересы народа», и поэтому необходимо «видеть, сколь тяжкий груз негативного исторического наследия несет на себе это понятие и сколь опасным может оказаться его ничем не ограниченное использование...» [14. С. 108—110].

Западные авторы разделяют национальные интересы и общественные, связывая первые с международным окружением, а вторые — с особенностями внут-

ренной ситуации в стране (в политической, экономической, социальной и других сферах). Поэтому с позиции западной теории международных отношений такие формулировки, как «внешнеполитический аспект национальных интересов», тавтологичны и способны скрыть существо вопроса. Действительно, отождествление указанных понятий может привести к тому, что «национальный интерес» либо редуцируется к «общественному интересу» (и, соответственно, внешняя политика — к внутренней), либо отрывается от государственного, предоставляя возможность оценивать внешнеполитические цели властных структур и потребности этнических групп, а также интересы личности как противоположные.

На наш взгляд, общественные и национальные интересы скорее дополняют, чем исключают друг друга. Совершенно очевидно, что общественные интересы находятся в той или иной степени зависимости от ситуации на международной арене. А национальные интересы, в свою очередь, испытывают прямое влияние экономической ситуации в стране, уровня ее социальной и политической стабильности, гражданского и морального климата. Помимо этого, важным представляется и то, что для стран с переходной экономикой характерна не просто тенденция к взаимовлиянию общественных и национальных интересов, но и усиление приоритета первых перед вторыми. Именно такая ситуация характерна сегодня для России. В этой связи в Концепции национальной безопасности Российской Федерации разделение национальных интересов на интересы во внутривнутриполитической и международной сферах (См.: [39]) выглядит вполне правомерным.

В условиях современной России внутривнутриполитические национальные интересы требуют всемерной концентрации на главной задаче — возрождении государства, экономики, благосостояния народа. Внешняя же политика должна быть полностью подчинена этой задаче — и философски, и концептуально, и оперативно. Иначе говоря, во взаимодействии национальных и общественных интересов приоритетными становятся вторые. В то же время национальные интересы характеризуются сегодня более сложной структурой, и связано это с необходимостью ответа на новые внутренние и внешние вызовы.

Национальный интерес мыслится в абстрактных и субъективных категориях, и это определяется той парадигмой отношений к миру и той ценностной системой, которая в данный период господствует в том или ином данном обществе и государстве. По мнению Дж. Розенау, «определение национального интереса никогда не может быть ничем иным как системой умозаключений, исходящих из аналитической и ценностной базы политики» (См.: [35]). А это значит, что параметры национального интереса проявляются в процессе его реализации. В свою очередь, это предполагает активные и целенаправленные действия, а также инструментарий для осуществления государственных задач. С этой позиции политическую деятельность можно рассматривать как основное средство реализации национальных интересов.

Когда мы говорим о национальном государстве или нации-государстве как о реальном участнике и проводнике международных отношений, правомерно рассматривать национальные интересы и интересы государственные как тесно связанные и взаимодополняемые категории.

Дихотомия государственного интереса и интересов гражданского общества разрешается в том ключе, что они не только содержательно связаны с понятием национального интереса, но в значительной мере определяют его смысловую структуру. В этом смысле нельзя не согласиться с теми исследователями, которые отдают предпочтение понятию «национально-государственные интересы». При этом не стоит забывать и о том, что на международной арене нацию в целом представляет именно государство. Соответственно, когда в контексте международной политики речь идет о национальных интересах, обычно подразумевают государственные интересы, а под государственными интересами, наоборот, подразумевают национальные интересы.

Если рассматривать эти интересы в совокупности, то национально-государственные интересы определяются исходя из геополитических параметров и ресурсных запасов государства при учете множества взаимопереплетающихся, разнонаправленных структур, интересов, предпочтений и т.д. Эти предпочтения формируются в рамках заданного уровня экономического развития страны, ее значимости и места на мировой арене, национально-культурных традиций и т.д.

В свою очередь, один из наиболее авторитетных социологов современности Амитаи Этциони отмечает, что восприятие национального суверенитета или самоопределения как чего-то неприкосновенного возникло в особых исторических условиях [22. С. 189]. До 1648 года национального суверенитета как такового не существовало — архитектура Вестфальского договора заложила основы международных отношений в том виде, как они существуют до сих пор (См.: [24; 29; 33; 34]). В политическом плане «суверенное государство» (характеризующееся монополией на легитимное применение насилия в определенных территориальных границах) признавалось в качестве базовой единицы международных отношений, а также олицетворением верховной власти для своих граждан.

Выявленные и осознанные национальные или государственные интересы, имеющие прямое отношение к суверенитету, территориальной целостности, реализуемые с учетом принципа невмешательства во внутренние дела и т.д., выступают основной движущей силой внешнеполитической деятельности страны. Формирование комплекса национальных интересов — это длительный и последовательный процесс, осуществляющийся в сложном историческом переплетении экономических, политических, социальных, национально-психологических, культурных и иных факторов. Именно поэтому национальные интересы неразрывно связаны с их носителями — народом и его историей. Они имеют самую тесную взаимосвязь с самоопределением конкретной нации.

Проблема наций и нациестроительства имеет непосредственное отношение к понятию национальных интересов и потому требует отдельного рассмотрения.

Вместе с тем стоит отметить, что в современном мире количество наций и количество государств не совпадают, огромное количество наций не имеют своих государств. Английский социолог и философ Э. Геллнер находит выход в том, что делит нации на реальные и потенциальные. Лишь первые имеют свою государственность, а потенциальные нации так и остаются таковыми потому, что они основаны на дикой и низкой культуре. Причем Э. Геллнер имеет в виду прежде

всего Европу, те народы, которые оказались в рамках существующих национальных государств: шотландцев, фламандцев, уэльсцев, каталонцев, басков, валлонов, корсиканцев и т.д. Это лишь «потенциальные нации», у них даже нет собственной культурной самобытности [3. С. 111]. Эти различия, утверждает он, такие же, как и различия между землями внутри Германии и Италии, югом и севером России. То есть это те же этнографические части англичан, французов, кастильцев и т.д., фатально обреченные на постепенное растворение и исчезновение.

Нация, по К. Вердери, имеет идеологический и политический смысл как вопрос связи государства со своими подданными, поэтому мы должны изучать нацию как продукт ее символизации различными группами. В этом смысле изучать нацию значит спрашивать: «Как идентичности конструируются в социальном смысле и как создаются обладающие ими индивиды?» [2. С. 300]. Нация по мере глобализации мира и утери прежней своей роли национальным государством держит курс не на выход из игры, а на свою переориентацию на другие референтные группы.

Что касается отечественных исследований данной проблематики, то стоит еще раз напомнить о том, что глубокий кризис экономики и всех общественных структур в России, anomia и мощные социальные движения, политические потрясения и межнациональные конфликты начала и середины 90-х годов не могли не отразиться на развитии обществоведческих наук. Этносоциологическая мысль получила новые импульсы своего развития, появились собственно отечественные варианты конструктивизма, релятивизма и инструментализма. Наибольший интерес представляют постмодернистские взгляды В.А. Тишкова и «релятивистская теория нации» А.Г. Здравомыслова.

«Инструменталистское» направление изучения нации нашло выражение в трудах российского профессора В.А. Тишкова. Начиная с самых общих положений, В.А. Тишков в духе Э. Геллнера считает, что единственным источником и фактором формирования нации является политика «нациестроительства» национального государства: «...не столько среди нации рождаются движения за национальное самоопределение и не столько нации создают национальные государства, а наоборот, идея нации рождается среди народов как политическая программа для создания суверенных гражданских сообществ, и уже государства создают нации, т.е. осуществляют процесс нациестроительства» [17. С. 88]. При этом каждая личность использует это чувство для коллективной мобилизации при достижении определенных общественных целей, обеспечивающих в условиях неравенства, доминирования и состязательности более благоприятные условия для жизнеобеспечения, доступа к ресурсам, к власти и для личного успеха [18. С. 78].

Автор полагает, что в современной России хотя и существует национальное государство — Российская Федерация, но нации еще нет. Главная идея В.А. Тишкова заключается в том, что татары, башкиры, осетины и т.д. фатально обречены оставаться донациональными образованиями, пока Российское государство не «построит» единую российскую нацию на основе слияния всех этносов страны. Особое «нациестроительство» указанных выше этносов невозможно по той простой

причине, что в России исключается перспектива появления самих субъектов — национальных государств этносов, способных организовать такие процессы. «Нация, — по признанию В.А. Тишкова, — это выдумка «академиков-схоластов», это «комплекс ощущений и чувств», «сложный комплекс характеристик, чувств и индивидуально-коллективистских стратегий» [18. С. 37].

По сути, история становления и развития нации и формирования ее интересов — это история борьбы за становление национальной государственности, адекватной нации формы и условия политически-правовой жизни, нормы мирового развития.

Из всех известных социальных групп и общностей (исключая семью) именно национальная солидарность обладает наибольшим, особенно мощным эмоциональным зарядом, наибольшей внутренней солидарностью. Она обладает мощной иррациональной способностью к сплочению, проявлению чувств коллективной любви и ненависти, особенно когда возникает внешняя угроза. Солидарность в национальной общности характеризуется тем, что это чисто моральное явление, не поддающееся само по себе ни точному наблюдению, ни измерению. Солидарность формируется и «выходит» в жизнь из самых первооснов национальной жизни. Тем не менее, национальная жизнь, целиком располагаясь в коллективной субстанции, посредством которой она структурно связана с остальным социальным миром, не растворяется в ней. По мнению М.О. Мнацаканяна, природу этой субстанции составляют: а) социальная форма ассоциации индивидов; б) способы, которыми они сгруппированы и связаны; в) проводники символического взаимодействия; г) внешние условия и факторы их объединения (территория, язык и т.д.); д) имманентные внутренние свойства данной социальной формы ассоциации и взаимодействия — историчность, устойчивость, атрибутивность, интенсивность, солидарность [10. С. 84].

Некоторые теоретики считают, что нация и государство — понятия тождественные. С таким утверждением выступил, например, на страницах журнала «Полис» в 2000 г. В.Б. Пастухов. Начав с совершенно справедливых посылок об органической связи нации и национального государства, автор настолько абсолютизирует такую связь, что заявляет: «государство и нация — это не два социальных субъекта, а один... относятся друг к другу как содержание и форма... Есть один социальный субъект — государство-нация или нация-государство» [16. С. 92]. Следуя этой логике, нация есть, пока есть государство. И наоборот, нация ликвидируется, если ликвидируется государство.

Нация, по нашему мнению, является и главным государствообразующим началом, и носителем более глубокой, мощной жизненной силы, творческого начала, социально значимых факторов для общности и человека. Нация, теряя свое государство, удваивает свои силы, напрягая всю свою творческую мощь для собственного самосохранения и развития. Тогда возникают проблема обеспечения национальной и международной безопасности (См.: [13]), а также энергетической и продовольственной безопасности (См.: [15]) страны.

В этом смысле государство как социальный субъект выполняет для нации вполне конкретную служебную роль, его внешние и внутренние функции при-

званы и защитить нацию, ее интересы, и стимулировать ее прогресс и развитие путем создания максимально благоприятных внешних и внутренних условий, и организовать деятельность индивидов и групп для реализации этих целей. Разработка и проведение в жизнь политики безопасности, развития и всестороннего прогресса нации, ее социально-экономической, научной, культурной, духовной жизни становятся функцией национального государства. Его функцией является также дальнейшая институционализация национальной жизни, создание гражданского общества, защита прав человека и т.д.

Проблемы национального сознания и самосознания стали предметом специального исследования только с середины XX столетия, традиционно же они рассматривались в контексте общей проблемы национальной идеологии. И в той мере, в какой шел процесс размежевания национального сознания и национализма, на первый план стали выходить вопросы самосознания и самоидентичности. Эти вопросы первоначально ставили и рассматривали представители американской психологической школы, в первую очередь А. Маслоу, Дж. Дэвис. В отечественной науке, начиная с 70-х годов, в разработку проблем самосознания внесли свой вклад В.И. Козлов, Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева и другие научные сотрудники Института этнологии и антропологии. Проблемы национального самосознания нашли свое отражение в трудах Р.Г. Абдулатипова, З.В. Сикевич. Историю формирования отечественной концепции национального самосознания можно найти в трудах Л.М. Дробижевой [1. С. 163—181].

Чтобы ставить вопрос об истоках национального самосознания и выработке политических механизмов формирования национальных интересов, надо предварительно рассмотреть структуру национального самосознания, выяснить, из каких элементов и частей оно сложено.

Национальная психология как динамическое и психоидеологическое духовное единство детерминирует и динамичность, многослойность национального самосознания. Если на первичном уровне усвоение этнокультурной и этнопсихической информации происходит в основном стихийно, как бы само собой, подражательно, то на втором уровне — осознанно, в ходе социализации. Именно второй, теоретико-концептуальный, уровень национального самосознания, а также идентификация на этом уровне создают идейно-нравственную социальную базу противостояния с национализмом, чего не может дать самосознание на массовом, обыденном уровне.

Национальное сознание тесно связано не только с психологией, но и с идеологией. Но идеология связана с «сконструированной» реальностью и ориентирована на человеческие практические интересы. Сконструированные национальные реальности выступают в виде определенных идеологем, которые распространяются в массовом сознании для реализации и защиты определенных политических целей и установок, групповых интересов, выдаваемых за общенациональные. Идеологемы, составляющие ядро национальной идеологии, призваны дать нужные объяснения фактам и проблемам, программу и направление действий для реализации вполне конкретных целей и интересов.

Тем не менее, контуры, внешняя форма национального интереса отчасти соотносится с тем идеалом, в котором отражаются ценности данного общества, однако сам этот идеал невозможно представить без принципа самосохранения, а это способно обеспечить только суверенное национальное государство.

Известен ряд стандартных норм, нарушение которых свидетельствует о том, что государство не в состоянии отстаивать свой суверенитет и нежизнеспособно. Разрабатывая комплекс национальных интересов и принимая на их основе соответствующие внутри- и внешнеполитические решения, лидеры государств анализируют объективные географические, экономические, политические, культурные и иные факторы, внутривнутриполитические интересы, политические платформы различных партий, движений, групп, организаций и т.д. При этом всегда принимаются во внимание потенциальные реакции на эти решения тех государств, интересы которых они прямо или косвенно затрагивают.

Противоречия интересов разных стран становятся причиной серьезных конфликтов, но в международных отношениях они чаще вызваны неадекватно сформулированными и превратно воспринятыми национальными интересами или принятыми мерами национальной безопасности. Так или иначе, основным побудительным мотивом внешнеполитической активности является национальный или государственный интерес. С другой стороны, собственно концепция национального интереса всегда базируется на ценностных нормах и конкретном идеологическом содержании.

В нынешних условиях глобализации и взаимопроникновения политических акторов сущность, артикулирование и реализация национальных интересов вызывает множество вопросов. Что сегодня представляет собой понятие национального интереса, когда многие международные процессы интернационализируются и роль международных организаций постоянно возрастает? Каковы национальные интересы в условиях активизации региональных и узкогрупповых интересов, особенно учитывая тенденцию к нивелированию национально-государственного суверенитета? Такие вопросы сегодня вполне обоснованы, причем многие ученые ставят вопрос об актуальности самой проблематики рассмотрения национального интереса в современном мире. И тем не менее, пока существуют национальные государства, национальные интересы будут являться предметом научного и политического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арутюнян Ю.В., Дробизжева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. — М., 1998.
- [2] Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // *Нации и национализм*. — М., 2002.
- [3] Геллнер Э. *Нации и национализм*. — М., 1991.
- [4] Димесин А. Западная демократия и проблемы современного общественного развития // МЭиМО. — 1989. — № 2.
- [5] Кортунов С.В. «Имперское» и национальное в российском сознании // *Международная жизнь*. — 1998. — № 6.
- [6] Кустарёв А. Государственный суверенитет в условиях глобализации // *Pro et Contra*. — 2006. — Т. 10. — № 4.

- [7] *Межуев Б.В.* Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни // *Полис*. — 1997. — № 1.
- [8] *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес» (На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX в.) // *Полис*. — 1999. — № 1.
- [9] *Миллер А.* Авторитарный и тоталитарный опыт Центральной Европы // *МЭиМО*. — 1996. — № 7.
- [10] *Мнацаканян М.О.* Нации и национализм. — М., 2004.
- [11] *Молчанов М.А.* Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // *Полис*. — 2000. — № 1.
- [12] *Моргентау Г.* В защиту национального интереса. — М., 1948.
- [13] *Назаренко А.В.* Национальная и международная безопасность: концепции и реалии в XX — начале XXI вв.: историко-политологический анализ: Дисс. ... к. п. н. — М., 2008.
- [14] Национальный интерес (заочный круглый стол): Ильин М.В., Цымбурский В.Л., Алексеева Т.А., Кара-Мурза А.А., Ильин В.В., Пантин В.И., Задохин А.Г., Андреев А.Л., Перевалов В.П., Аболин О.Ю., Поляков Л.В., Васильцов С.И., Сорокин К.Э. // *Полис*. — 1995. — № 1.
- [15] *Новосельцев В.* Национальные интересы России (социально-экономический аспект). — М., 2007.
- [16] *Пастухов В.Б.* Национальные и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? // *Полис*. — № 1. — 2000.
- [17] *Тишков В.А.* Дилемма новой России как многоэтничного государства // *Права человека и международные отношения. Материалы международного симпозиума 18—20 апреля 1994 г.* — М., 1994. — Ч. I.
- [18] *Тишков В.А.* Очерки теории и этничности в России. — М., 1997.
- [19] *Торкунов Л.В.* (ред.). *Современные международные отношения*. — М., 2000.
- [20] *Фурман Д.* Внешнеполитические ориентиры России // *Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации*. — 1995. — № 12 (42).
- [21] *Цыганков Л.П.* Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику // *Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке*. — М., 1992.
- [22] *Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. — М., 2004.
- [23] *Aron R.* *Paix et Guerre entre les nations*. — P., 1984.
- [24] *Brown Ch.* *Sovereignty, Rights and Justice*. — Cambridge: Polity, 2002.
- [25] *Derriennic J.-P.* *Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales*. — Grenoble, 1977.
- [26] *Dingwerth K., Pattberg Ph.* *Global Government as a Perspective of World Politics // Global Government*. — 2006. — № 2.
- [27] *Dryzek J.* *Deliberative Global Politics: Discourse and Democracy in a Divided World*. — Cambridge: Polity Press, 2006.
- [28] *Duroselle J.-B.* *Tout empire perira. Une vision theorique des relations internationales*. — P., 1982.
- [29] *Krasner S.D.* *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. — Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 1999.
- [30] *Kratochwil F.* *Of the Notion of Interest in International Relation // International Organization*. — Vol. XXXIV. — Winter 1982.
- [31] *Merle M.* *La politique etrangere // Traite de science politique*. — P., 1985.
- [32] *Morgenthau H.* *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. — N.Y., 1961.
- [33] *Philpott D.* *Revolution in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*. — Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 2001.

- [34] *Reus-Smit C.* The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations. — Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 1999.
- [35] *Rosenau J.* The National Interest: Normative Foundation // Review of Politics. — 1986. — Autumn. — Vol. 43.
- [36] *Smouts M.-C.* (sous la dir. de). Les nouvelles relations internationales. Pratiques et theories. — P., 1998.
- [37] The UN in the 21st Century / K. Mingst, M. Karns (eds). — Boulder, CO: Westview Press, 2007.
- [38] *Wolfers A.* Discord and Collaboration. Essay of International Politics. — Baltimore, 1952.
- [39] Концепции национальной безопасности Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>
- [40] Committee for Democratic UN // <http://www.uno-komitee.de/en>

NATIONAL INTERESTS: THEORETICAL DISCOURSE OF THE PROBLEM

V.V. Trukhachev

The Department of Information Technologies in Education
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In the given article is considered theoretically-semantic content of the concept «national interests». Critical analysis of wide spectrum of concepts and definitions of national interests by domestic and foreign scientists is presented in the article. According to the author, national interests and state interests should be considered as closely connected and complementary but not identical categories. On the other hand, even during an epoch of globalization the concept of national interest is always based on values and particular ideological content of the separate state.

Key words: national interests, national security, the theory of political realism, «construction» of national interests, nation building, national self-consciousness.